

АГЕНТ ФРАНЦУЗСКОЙ РАЗВЕДКИ

ИРИНА МАНИНА

ИРИНА МАНИНА
Агент французской разведки

«Автор»

2026

МАНИНА И.

Агент французской разведки / И. МАНИНА — «Автор», 2026

Эта фантазийно-романтическая история произойдёт в недалёком будущем, в котором будут сформированы другие традиционные ценности для жителей этой страны. Однако, не все готовы им следовать, что вызывает недовольство правящих. Двое молодых людей возглавят народное движение. Что из этого получится - узнаем в конце лета 2026 года. Детектив, триллер и саспенс (Интрига на первом месте)

© МАНИНА И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

ИРИНА МАНИНА

Агент французской разведки

Глава 1

Неоновые сумерки 2058 года мягко оседали на стеклянный купол Межрегиональной Академии Технологий. Учебный симуляторный центр «Скай-Тек» гудел от вибрации мощных процессоров. Здесь, среди голографических панелей и запаха озона, пересеклись пути тех, кто в обычной жизни никогда бы не столкнулся.

Ева поправила воротник своей темно-синей формы факультета психо-лингвистики. Ее направление изучало мета-коды общения в виртуальных средах, и летная практика была для нее лишь обязательным факультативом по «стрессоустойчивости в экстремальных условиях». Она задержала взгляд на приборной панели учебного глайдера, пытаясь синхронизировать нейроинтерфейс.

— Слишком сильный импульс на левый стабилизатор, — раздался спокойный голос за спиной. — Система решит, что тыходишь в штопор, и заблокирует управление.

Ева обернулась. Рядом стоял парень в сером комбинезоне инженера-энергетика. Андрей, в отличие от нее, проводил в этом ангаре по десять часов в сутки. Его факультет занимался разработкой двигателей на основе сжатого эфира, и полет для него был чистой математикой.

— Я просто пытаюсь почувствовать машину, а не высчитать ее траекторию, — ответила Ева, слегка прищурившись.

— В 2058-м чувства — это шум, который мешает автопилоту, — Андрей улыбнулся и протянул руку к консоли, показывая, как выровнять подачу энергии. — Но, признаю, иногда шум создает самую интересную музыку.

Их глаза встретились в отражении навигационного экрана. В этот момент ни один из них не знал, что эта случайная встреча в учебном центре — не ошибка навигации, а начало сложной шахматной партии, в которой Еве вскоре предстоит вспомнить все свои навыки психологического анализа, а Андрею — применить инженерную точность в делах, далеких от гражданской авиации.

Андрей перехватил инициативу и ловко ввел последовательность команд в интерфейс. Его пальцы двигались с такой скоростью, будто он играл на древнем фортепиано, а не настраивал фотонный двигатель учебного тренажера. Ева внимательно наблюдала за его движениями, отмечая не только техническую точность, но и странную сосредоточенность, несвойственную обычному студенту-технарю.

— Ты часто здесь бываешь, — констатировала она, когда симулятор перешел в режим ожидания. — Твой факультет ведь в другом крыле, за три мили отсюда.

— Энергетикам полезно знать, как расходуется ресурс, который они создают, — уклончиво ответил парей, не поднимая глаз от экрана. — К тому же, здесь самый мощный узел связи в Академии. Меньше помех из-за ионосферных щитов города.

Ева как будущий психо-лингвист уловила в его голосе микро-паузу. В ее мире интонация значила больше, чем слова. Андрей явно что-то недоговаривал, и это не было похоже на обычную студенческую скрытность.

Внезапно освещение в ангаре мигнуло, сменив теплый свет на тревожный янтарный. Голографический инструктор в центре зала замерцал и исчез, а на главной панели симулятора Евы вспыхнула странная строка кода на латинице, которая тут же растворилась, оставив после себя лишь системное оповещение об ошибке. Андрей мгновенно напрягся, его расслабленная поза исчезла, сменившись стальной готовностью.

— Тебе пора идти на лекцию, Ева, — произнес он совершенно другим тоном — сухим и приказным.

— Мы еще не закончили сессию, — возразила она, чувствуя, как внутри просыпается профессиональный интерес исследователя человеческих реакций. — И что это был за код? Похоже на старые протоколы шифрования.

Андрей наконец посмотрел ей прямо в глаза. В его зрачках отражались остатки системного сбоя. В этот момент он выглядел гораздо старше своих двадцати одного года.

— Это был просто системный шум, — отрезал он, закрывая консоль своим персональным ключом. — Но если ты хочешь выжить в этом мире «цифрового шума», иногда стоит делать вид, что ты ничего не заметила.

Он развернулся и быстро направился к выходу, оставив Еву одну в пустующем ангаре. Девушка медленно коснулась сенсорной панели, где мгновение назад горел странный текст. Она знала этот язык. Это был не технический код, а старый диалект, который использовали в дипломатической переписке Западной Европы середины века.

В сумке Евы завибрировал коммуникатор. Пришло уведомление о внеплановом семинаре по теме «Методы дешифровки когнитивных закладок». Отправитель был скрыт, но в поле темы стоял один-единственный символ — маленькая стилизованная лилия. Первое звено в цепи, которую Еве только предстояло распутать, уже замкнулось.

Ева не сразу ответила на уведомление. Она еще несколько секунд стояла в полумраке ангара, слушая, как гул вентиляции медленно возвращает помещению его обычный ритм. Странный код, взгляд Андрея, его внезапная сухость — все это не складывалось в случайность.

Когда она наконец вышла в коридор, стеклянные стены Академии уже переливались вечерними огнями. По переходам двигались студенты, дроны-службы бесшумно скользили под потолком, а где-то далеко, за внешним контуром купола, над городом тянулись световые трассы летательных платформ.

Ева открыла коммуникатор еще раз. Сообщение о семинаре было кратким, почти стертым, будто его отправили через цепочку анонимных ретрансляторов. Никаких пояснений. Только время, аудитория и тот же символ лилии.

Она знала: такие приглашения не бывают случайными.

На факультете психо-лингвистики их учили замечать не только смысл текста, но и то, что скрыто между строк. Скрытые намерения. Имплицитные угрозы. Нервный почерк. Ложь, замаскированную под вежливость. И если анонимный отправитель хотел, чтобы Ева пришла, значит, он уже просчитал ее любопытство.

В коридоре перед библиотечным блоком она увидела Андрея. Он стоял у затемненного окна и, казалось, ждал именно ее. На секунду Еве даже почудилось, что он заранее знал, где она появится.

— Ты идешь на семинар? — спросил он, не оборачиваясь.

— А ты откуда знаешь?

— В Академии все важное проходит через одни и те же каналы.

— Странно, — тихо сказала Ева. — Обычно студенты не говорят такими фразами.

Андрей повернулся. В его лице было что-то собранное, почти настороженное, будто он привык контролировать даже выражение глаз.

— А ты обычно не замечаешь, когда тебя ведут, — ответил он.

Ева хотела возразить, но в этот момент у стены рядом с ними вспыхнула рекламная голограмма: приглашение на выставку молодых художников, музыкальный перформанс, вечер памяти старых городов. Все это промелькнуло на фоне невероятно красивого изображения — белые линии, синие узоры, тонкие ветви берез, уходящие в свет. На мгновение Еве показалось, что в узоре скрыт еще один знак, почти невидимый.

Она прищурилась.

— Это что-то значит? — спросила она, указывая на мерцающий фон.

— Иногда красота тоже служит шифром, — сказал Андрей. — Особенно если ее оставляют там, где ее заметят только те, кто умеет смотреть.

Он снова замолчал, словно и так сказал лишнее.

Ева почувствовала, как внутри нее поднимается знакомое напряжение. Не страх — интерес. В ее жизни редко случались события, которые требовали не просто знаний, а интуиции, выдержки и умения не выдать себя взглядом. И сейчас перед ней был именно такой случай.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Пойду на семинар.

Андрей чуть заметно кивнул.

— Я тоже.

— Ты следишь за мной?

— Скорее, за обстоятельствами.

Она не успела спросить, что это значит. Из бокового прохода вышла преподавательница кибер-поведенческих систем, и разговор оборвался. Но Ева уже чувствовала: Андрей оказался рядом с ней не просто так. И, возможно, лилия в сообщении имела отношение не к учебе, а к чему-то гораздо более опасному.

Семинар проходил в старом корпусе, где стены еще сохраняли следы доцифровой эпохи. Это место любили за тишину. Официально здесь проводили факультативы по дешифровке когнитивных паттернов. Неофициально — встречались люди, которым было что скрывать.

Аудитория оказалась почти пустой. Несколько студентов сидели молча, будто их пригласили не на занятие, а на допрос. В центре комнаты стоял стол, на котором лежал прозрачный цилиндр с тонким металлическим листом внутри. Преподаватель не появился.

Зато на стене внезапно включился проектор.

На экране возникло изображение той самой лилии.

Под ней — строка на французском.

Ева прочла ее медленно, по слогам, и по спине у нее пробежал холодок.

Это было не учебное задание.

Это было послание.

И оно было адресовано именно ей.

Глава 2

«Ceux qui gardent le silence ne sont pas toujours en paix» — Гласили буквы, выведенные изящным курсивом сверху вниз. «Те, кто хранят молчание, не всегда пребывают в покое».

Ева почувствовала, как пересохло в горле. Это была цитата из дневника ее бабушки, работавшей в дипломатическом корпусе еще до Великого Глобального Сбоя. Эти слова никогда не публиковались, они были частью семейного архива, хранящегося на бумажных носителях, отрезанных от любой сети. Каким образом эта фраза оказалась здесь, на стене учебного корпуса Академии, под символом, который она только что видела в «случайном» сбое симулятора?

Она обернулась, ища глазами Андрея, но его место было пусто. Он исчез так тихо, что она даже не заметила момента его ухода. Остальные студенты сидели неподвижно, их лица в неверном свете проектора казались восковыми масками.

— Вы видите это? — тихо спросила Ева, обращаясь к ближайшему парню в форме инженерного факультета.

Тот медленно повернул голову. Его глаза были расфокусированы, зрачки максимально расширены.

— Вижу что, коллега? — его голос прозвучал монотонно. — Идет загрузка когнитивного паттерна. Подготовьте свои нейро-интерфейсы для синхронизации.

Ева похолодела. Они не видели лилию. Они не видели французский текст. Для них это была стандартная лекция, маскирующая что-то совсем иное. Ее интерфейс не выдавал никаких запросов на синхронизацию — ее «чистая» от встроенных чипов подготовка психо-лингвиста сейчас была ее единственной защитой.

Текст на стене начал меняться. Буквы задрожали и превратились в координаты. Сетка города под куполом, сектор 4-Г, заброшенные оранжереи старого ботанического сада. Под координатами появилась новая надпись, на этот раз на латыни: «*Ad fontes*». К истокам.

Внезапно в коридоре послышались тяжелые ритмичные шаги — звук, который в Академии означал только одно: патруль службы безопасности Контура. Обычно они не заходили в старый корпус без веской причины. Ева схватила сумку. Ей нужно было уходить, и не через центральный выход. Она вспомнила слова Андрея об «узле связи» и «ионосферных щитах». Если он знал о сбое заранее, возможно, он оставил ей путь отступления. Она скользнула к технической панели в конце аудитории. Там, в углу экрана, едва заметно пульсировала маленькая точка. Коснувшись ее, Ева увидела, как часть стены за книжными стеллажами беззвучно отошла в сторону, открывая зев узкого вентиляционного коллектора. Проверив коммуникатор, она обнаружила, что сообщение с лилией исчезло, не оставив в логах ни единого бита.

«В этом мире цифрового шума иногда стоит делать вид, что ничего не заметила», — пронеслось у нее в голове.

Но Ева уже заметила слишком много. Сделав глубокий вдох, она шагнула в темноту коридора, понимая, что с этой секунды она перестала быть просто студенткой. Теперь она была частью игры, правила которой ей только предстояло дешифровать. Ева двигалась почти на ощупь, касаясь ладонью холодного металла стены. Вентиляционный коллектор был уже, чем казался снаружи, и воздух в нем пах пылью, озоном и чем-то сладковатым, почти цветочным. Запах был слишком отчетливым для технического тоннеля. Она остановилась, втянула воздух еще раз и сразу поняла: лилия. Не настоящая, конечно, а ее химический след, тонкая парфюмерная нота, будто кто-то специально оставил здесь знак для того, кто умеет связывать детали.

Где-то позади, за стенами старого корпуса, глухо щелкнули магнитные замки. Затем послышались голоса, приглушенные, неразборчивые. Патруль уже вошел в аудиторию. Ева ускорила шаг. Впереди тоннель раздваивался: правый рукав уходил вниз, в технические

уровни, левый — к слабому голубому свечению. На стыке двух проходов кто-то чертил на металле острым предметом маленький символ — ту самую лилию, но незавершенную, с одним отсутствующим лепестком.

— Значит, не показалось, — прошептала Ева.

Она выбрала левый проход. Через несколько метров коллектор вывел ее в крошечную сервисную комнату, заставленную устаревшими блоками памяти и свернутыми кабелями. В центре, прямо на крышке старого терминала, лежала тонкая пластиковая карточка без обозначений. Ева подняла ее и перевернула. На обороте серебристыми буквами проступила фраза на французском: «Si tu lis ceci, ne fais confiance à personne avant la deuxième question». Если ты читаешь это, не доверяй никому до второго вопроса.

— До второго вопроса? — повторила она тихо.

Экран терминала, до этого мертвый, вспыхнул сам собой. Пошли полосы помех, затем проявилось лицо Андрея — не живое изображение, а заранее записанное сообщение. Он смотрел прямо в камеру, непривычно серьезный, без обычной иронии во взгляде.

— Если ты здесь, значит, проектор сработал, а они уже поняли, что ты увидела послание, — сказал он. — Слушай внимательно. У тебя очень мало времени. То, что ты считаешь семейным архивом, не просто архив. Твоя бабушка хранила не записи, а ключ. Я не знаю, отдала ли она его тебе сознательно или это произошло раньше, чем ты успела понять. Но они уверены, что ключ активировался.

Ева замерла.

— Кто — они? — выдохнула она, хотя запись, разумеется, не могла ответить.

Словно угадав этот вопрос, Андрей продолжил:

— Не задавай первый вопрос вслух. Он почти всегда оказывается неверным. Правильный первый вопрос другой: почему выбрали именно тебя? Ответ прост — потому что ты улавливаешь смысл там, где другие видят только текст. Потому что ты чувствуешь паузы и умеешь читать между строк. Потому что ты одна из немногих, кто способен прочесть слой, скрытый под речью, кодом и изображением сразу.

На секунду он опустил взгляд, будто сомневался, стоит ли говорить дальше.

— Сейчас ты, вероятно, думаешь, можно ли доверять мне. Нельзя. Пока нельзя. Но и бояться меня преждевременно. Иди в старые оранжереи, сектор 4-Г. Там будет дверь без замка. Не открывая ее сразу. Сначала задай второй вопрос.

Изображение дрогнуло. По экрану пробежала рябь.

— И еще, Ева, — сказал Андрей уже тише. — Если увидишь лилию с недостающим лепестком, значит, кто-то пришел раньше тебя.

Экран погас. На миг в комнате стало так тихо, что Ева слышала собственное дыхание. Потом из дальнего конца сервисного отсека раздался легкий звук — будто подошва коснулась металлической решетки. Она медленно обернулась. В проеме, где секунду назад была темнота, стояла девушка в серой форме архивного отдела. Совсем обычная на вид: светлые волосы, тонкие руки, планшет под мышкой. Но на рукаве у нее серебром поблескивала вышивка в форме лилии с недостающим лепестком. (рисунок)

— Наконец-то, — сказала незнакомка. — Я боялась, что ты выберешь правый тоннель.

Ева не ответила. Девушка чуть улыбнулась, внимательно глядя на нее.

— Можешь задать первый вопрос, если хочешь, — произнесла она. — Но, думаю, ты уже поняла, что важнее второй.

Ева не спешила отвечать. В этой улыбке было что-то странно знакомое, будто она уже видела её однажды — не вживую, а в полузабытом сне, где лица расплываются, а голоса звучат так, словно их произносят из соседней комнаты через толщу воды.

Девушка в серой форме чуть повернула голову, и свет из узкого верхнего окна скользнул по серебряной вышивке на рукаве. Лилия вспыхнула на миг холодным блеском, затем снова стала почти невидимой, словно знак сам не желал быть замеченным.

— Ты не спросишь, кто я? — мягко произнесла она.

— Нет, — ответила Ева, сама удивившись собственной уверенности. — Если это действительно важно, ты скажешь позже.

Улыбка на лице незнакомки не изменилась, но взгляд стал серьезнее.

— Уже лучше, — сказала она. — Первый вопрос всегда пытаются подсунуть тебе чужие. Второй — тот, который принадлежит тебе.

Ева почувствовала, как по спине снова прошел холодок. В комнате будто стало темнее, хотя лампа под потолком продолжала ровно гудеть. Где-то в глубине коридора за стеной прощуршал металл, словно по нему провели тонкой цепочкой. Потом наступила тишина — слишком плотная, слишком выжидающая.

— Тогда мой второй вопрос простой, — тихо сказала Ева. — Что здесь происходит?

Девушка посмотрела на нее почти с жалостью.

— Нет, — ответила она после паузы. — Это все еще первый.

Она сделала шаг вперед, и Ева заметила, что планшет под ее мышкой был выключен. Не просто погашен — поверхность его экрана не отражала свет, будто внутри лежала не электроника, а черная вода.

— Второй вопрос, — повторила незнакомка, — это не о месте. Не о нас. И даже не о тебе. Ева сглотнула.

— Тогда о чем?

Девушка наклонила голову, словно прислушиваясь к чему-то, что было недоступно остальным. Ее голос стал почти шепотом:

— О том, кто уже знает ответ.

С этими словами она слегка приподняла планшет, и на его темной поверхности на мгновение проступили строки — не текст, а отражение, похожее на карту, на схему, на сеть коридоров, уходящих глубоко под Академию. В самом центре этой сети медленно пульсировала красная точка.

Ева узнала место. Оранжереи. Сектор 4-Г. Но красная точка была не там, где должна была находиться дверь без замка. Она была прямо под ее ногами. Ева не сразу опустила взгляд. Ей вдруг показалось, что если посмотреть вниз, то все изменится окончательно: пол станет прозрачным, стены разомкнутся, а тишина, стоявшая в отсеке, обернется чем-то живым и внимательным. Девушка напротив не торопила ее. Она только медленно убрала планшет под мышку, и красная точка исчезла, словно ее и не было.

— Ты тоже это видела? — спросила Ева.

— Не совсем, — ответила незнакомка.

— Я видела, что ты готова увидеть. Это не одно и то же.

Ева наконец опустила глаза. Под ее ботинками тускло поблескивали металлические панели пола. Никаких люков, никаких трещин, никаких следов скрытого механизма. И все же ощущение было таким, будто внизу открывалось нечто бесконечно глубокое, терпеливо ожидающее, пока кто-то сделает неверный шаг.

— Кто ты? — спросила она уже без прежней осторожности.

— Сейчас это неважно, — прозвучал ответ. — Но если хочешь настоящее имя, назови свое. Ева нахмурилась.

— Моё ты знаешь.

— Только то, которым тебя зовут другие. Настоящее имя всегда чуть глубже. Оно редко совпадает с тем, что записано в документах.

На мгновение Еве показалось, что в этих словах есть насмешка, но лицо девушки оставалось спокойным, почти бесцветным. Где-то в вентиляции щелкнуло, будто включился механизм, затем снова стихло.

— Андрей сказал идти в старые оранжереи, — произнесла Ева. — Значит, ты от него?

Незнакомка посмотрела на нее так, словно оценивала не вопрос, а саму возможность на него отвечать.

— От него? — повторила она. — Нет. Скорее, мимо него.

Ева почувствовала, как внутри что-то сжалось.

Андрей в записях выглядел слишком живым для человека, которого можно было назвать просто знакомым. И слишком напряженным для того, кто оставляет инструкции на случай чужой охоты.

— Тогда почему ты здесь?

— Потому что дверь уже открылась, — тихо сказала девушка. — Просто не в том месте, где ты ее ожидаешь.

Она повернулась к стене, и Ева только сейчас заметила узкую вертикальную полосу в тени — едва различимую, как шов на идеально гладкой поверхности. Полоса дрогнула, едва заметно разошлась, и из щели выдохнулся холодный воздух с запахом влажной земли и старого стекла.

— Оранжереи не там, где они были раньше, — сказала незнакомка. — Академия любит перемещать свои тайны.

Ева смотрела на темный проем и понимала: она должна испугаться сильнее. Но вместо страха в ней поднималось другое чувство — почти узнавание, словно она не раз уже стояла перед этой дверью во сне, в детстве или в каком-то будущем, которое еще не произошло.

— Что за второй вопрос? — спросила она.

Девушка наконец улыбнулась по-настоящему, но в этой улыбке не было ни тепла, ни насмешки. Только странная, очень тихая уверенность.

— Спроси себя, — сказала она, — почему твое имя так долго не было написано нигде полностью.

В проеме зашевелилась тьма, и на мгновение Еве показалось, что холодный воздух изнутри не просто дует наружу, а наблюдает за ней. Незнакомка сделала шаг в сторону, освобождая проход, но сама не заходила внутрь, будто знала: сейчас появится кто-то еще. Сначала Ева услышала звук каблуков. Ровный. Уверенный. Слишком спокойный для этого места. Из темного коридора вышел мужчина в длинном темно-сером пальто с высоким воротом.

Глава 3

Он был худощавым, очень собранным, с безупречно прямой осанкой. Лицо у него было спокойное, почти бесстрастное, но в этом спокойствии чувствовалась опасная точность — как у человека, который привык выигрывать не силой, а расчетом. Его темные волосы были аккуратно зачесаны назад, а на левом виске, у самой линии роста, мерцал тонкий серебристый *имплант*, похожий на едва заметный разрез света. Он остановился в нескольких шагах от Евы и посмотрел на нее так, словно уже давно знал, где она окажется в этот момент.

— Наконец-то, — произнес он негромко. Голос у него был бархатный, ровный, без спешки. — Я ожидал тебя раньше.

Ева инстинктивно сжала ремень сумки.

— Кто вы?

Мужчина слегка наклонил голову, будто вопрос его даже порадовал.

— Для начала можешь звать меня Артем Воронов.

Имя прозвучало просто, но почему-то сразу запомнилось, как предупреждение.

— Вы меня знаете? — спросила Ева.

— Не столько тебя, сколько твой след, — ответил он. — А это, поверь, куда интереснее.

Незнакомка рядом с Евой напряглась. Ева заметила это боковым зрением и впервые поняла: тот, кто только что вышел из тени, опасен не потому, что пришел сюда, а потому, что его здесь ждали. Артем перевел взгляд на девушку в серой форме.

— Ты не должна была приводить ее так рано, — сказал он спокойно.

— Она пришла сама, — ответила та.

— Все так говорят, когда хотят снять с себя ответственность.

Он снова посмотрел на Еву, и в его взгляде мелькнуло что-то холодное и почти изучающее, как у коллекционера, увидевшего редкий экземпляр.

— Запомни одно, Ева, — произнес он. — Иногда врагом становится не тот, кто нападает первым. А тот, кто знает о тебе больше, чем ты сама.

Он чуть повернул руку, и в ладони на секунду вспыхнул тонкий голографический знак — тот же символ, что Ева уже видела прежде, но теперь он был собраннее, четче, почти завершенным. Затем свет погас.

— И я, — добавил Артем, отступая в темноту, — очень люблю завершать начатое.

Он исчез так же тихо, как появился, но после него воздух в коридоре будто стал тяжелее. Ева медленно выдохнула.

— Кто он? — спросила она.

Девушка рядом с ней посмотрела в темный проем и ответила после короткой паузы:

— Тот, кто однажды решит, что ты мешаешь миру, который он строит.

Ева еще несколько секунд смотрела в темный проем, где исчез Артем Воронов. Ей казалось, что если не отводить взгляд, то тьма сама вернет его назад — точного, спокойного, опасного. Но коридор оставался пуст.

— Кто он на самом деле? — спросила она.

Девушка в серой форме не сразу ответила. Она подошла к стене, коснулась ладонью панели, и тусклый свет в сервисном отсеке стал ярче.

— Человек, который всегда приходит раньше последствий, — наконец сказала она. — А потом стоит в стороне и смотрит, как другие думают, будто все произошло само собой.

— Очень понятное объяснение, — сухо бросила Ева.

— Другого у меня нет.

Ева шагнула к ней ближе.

— Тогда начни с простого. Почему он знает мое имя?

Незнакомка на мгновение прикрыла глаза, словно ей нужно было решить, какую часть правды можно отдать.

— Потому что ты давно в игре, Ева. Просто тебя не предупредили, когда она началась.

— Кто не предупредил?

— Те, кому было выгодно держать тебя в неведении.

В вентиляции снова щелкнуло. На этот раз звук был длиннее, почти похожий на шорох чужого дыхания. Девушка резко вскинула голову.

— У нас мало времени. Тебе нужно уйти отсюда до смены цикла наблюдения.

— Я никуда не пойду, пока ты не скажешь, кто ты.

Незнакомка впервые улыбнулась по-настоящему, но устало.

— Лина, — сказала она. — Этого пока хватит.

— Пока?

— Если мы переживем ближайший час, получишь и все остальное.

Ева открыла рот, чтобы возразить, но в этот момент настенная панель за ее спиной вспыхнула красным. По отсеку прокатился мягкий электронный сигнал.

ДОСТУП К УЗЛУ AP-17 ЗАФИКСИРОВАН. ПОДТВЕРДИТЕ ЛИЧНОСТЬ.

Лина побледнела.

— Нет, — очень тихо сказала она. — Он не мог сработать так быстро.

— Кто?

Но Лина уже схватила Еву за запястье.

— Потом. Бежим.

Они выскочили в боковой тоннель как раз в тот миг, когда за их спинами тяжелая дверь сервисного отсека начала опускаться. Красный свет полосами резал пол. Ева едва успела проскользнуть под створкой, больно ударившись плечом. Тоннель оказался узким, низким и темным. Здесь пахло пылью, озоном и старыми кабелями. Где-то далеко впереди мерцал дежурный свет.

— Что произошло? — на ходу спросила Ева.

— Кто-то вошел в архивный узел под твоим идентификатором.

Ева резко остановилась.

— Что?

Лина дернула ее дальше.

— Не сейчас!

— Нет, сейчас! У меня нет доступа к архивным узлам!

— Уже есть, — отрезала Лина. — По системе — есть.

Эти слова ударили сильнее, чем тревожный сигнал. Ева побежала молча, но внутри все сжалось. Она еще не понимала, что именно сделал Артем. Но уже чувствовала: его появление не было предупреждением. Это был первый ход. Они выбрались в старую переходную галерею над заброшенным сектором оранжерей. Здесь стеклянный свод давно потемнел, часть панелей покрылась сеткой трещин, а за ними ночной город светился глухим серебром. Внизу, среди мертвых клумб и заросших дорожек, стояли ржавые каркасы климатических башен. Лина остановилась у терминала, встроенного в перила, и быстро ввела код.

— Если нам повезет... Думаю, что у меня еще остался доступ к внутренним логам.

— А если не повезет?

— Тогда через десять минут тебя будут искать как диверсанта.

Ева ничего не сказала. Лина работала быстро и точно. На полупрозрачном экране замелькали строки: время, номера шлюзов, отметки камер, сигнатуры пропусков. Потом Лина застыла.

— Нет... — выдохнула она.

— Что там?

Лина повернула экран к ней. На записи было видно, как дверь архивного узла АР-17 открывается. Внутри входит человек в капюшоне, лица не разглядеть. Но при идентификации доступа система четко выдала имя: ЕВА МАРКОВА. ДОСТУП ПОДТВЕРЖДЕН

Следующая строка вспыхнула красным:

ИЗЪЯТ МАТЕРИАЛ КЛАССА НУЛЬ СТАТУС: ЗАПРЕЩЕНО

Ева почувствовала, как внутри что-то холодеет.

— Это невозможно.

— Конечно невозможно, — сказала Лина. — Но запись уже есть.

— Ее можно подделать?

— Так, чтобы это не заметили обычные службы? Да. Так, чтобы это не заметили вообще?

Только если за дело взялся кто-то вроде него.

— Артем.

Лина кивнула.

Снизу, из мертвых оранжерей, донесся отдаленный металлический стук.

— Он не просто тебя отметил, — сказала она. — Он привязал тебя к краже. Теперь любой твой шаг будет выглядеть как попытка скрыться.

Ева медленно выпрямилась.

— Тогда мне нужно не бежать. Мне нужно понять, что именно было украдено.

Лина посмотрела на нее почти с раздражением.

— Вот поэтому такие, как он, и выбирают таких, как ты. Ты все еще думаешь, что если найдешь смысл, то сможешь все исправить.

— А ты предлагаешь что? Исчезнуть?

— На время — да.

Ева снова взглянула на экран. Под строкой об изъятии был код объекта.

L-9 / FLEUR NOIRE

Лилия.

Та самая.

Ева подняла глаза.

— Это связано с тем символом.

— Я же говорила, это не учебное задание, — ответила Лина. — Это цепь.

Где-то в глубине сектора завывала сирена. Уже не локальная, а общая.

Лина отключила терминал.

— Идем. Сейчас начнется самое неприятное.

— Что именно?

Лина посмотрела на нее в упор.

— Люди начнут верить в доказательства.

И в этот момент Ева поняла, что настоящая опасность Артема не в оружии, не в доступе и даже не в его хладнокровии. Он умел заставить мир самому выступать против нужного человека.

Они спустились по аварийной лестнице в оранжереи. Когда-то здесь росли редкие культуры для исследовательского сектора, но теперь остались лишь спутанные сухие стебли, битое стекло и влажный запах железа. Лина вела ее уверенно, будто бывала тут не раз.

— Есть выход к старому дренажному тоннелю, — сказала она. — Через него можно добраться до внешнего кольца.

Ева вдруг остановилась.

— Подожди.

— Что еще?

— Если Артем хотел просто подставить меня, он уже сделал это. Зачем тогда показываться лично?

Лина замолчала.

— Чтобы ты его запомнила, — сказала она через секунду. — Чтобы, когда все начнет рушиться, ты знала, чья это работа.

— Это слишком демонстративно.

— Для обычного врага — да. Для него — нет. Он любит, когда человек понимает, что проигрывает не случайности.

Ева собиралась ответить, но над зарослями вдруг вспыхнул белый свет. В следующую секунду над оранжереей загремел усиленный голос:

— ЕВА МАРКОВА. ОСТАВАЙТЕСЬ НА МЕСТЕ. ВЫ ОКРУЖЕНЫ.

Лина тихо выругалась.

— Слишком быстро.

Из-за сломанной климатической башни вышли трое в форме внутренней безопасности. Черные бронежилеты, шлемы без опознавательных знаков, электромагнитные карабины на изготовку.

— Руки на виду! — крикнул один из них.

Ева подняла руки медленно, не сводя с них глаз.

— Я ничего не брала.

— Это вы расскажете на допросе.

Лина уже не было рядом.

Ева дернулась взглядом в сторону и поняла, что та исчезла за секунду до того, как включился прожектор. Словно растворилась между тенями и сухими стеблями.

Хорошо, почти с горечью подумала Ева. Значит, теперь я одна.

Старший группы шагнул вперед.

— Подтвердите личность.

— Ева Маркова.

Он активировал планшет. На экране отразилась ее фотография и красная метка приоритета.

— Вы обвиняетесь в незаконном проникновении в архивный узел AP-17, хищении материалов класса нуль и попытке сокрытия маршрута.

Ева услышала собственный голос словно со стороны:

— Это ложь.

Старший не ответил. Он только коснулся экрана, и рядом вспыхнула голограмма записи. Та самая дверь. Та же фигура в капюшоне. Та же идентификация.

Глава 4

Потом появилось новое изображение, и Ева замерла. На кадре с внутренней камеры ее лицо было видно отчетливо. Не силуэт. Не маска. Не размытая подмена. Она сама. Ева шагнула вперед, словно от этого картинка могла измениться.

— Нет.

Но голограмма продолжала жить своей жизнью. Ее цифровой двойник подходил к контейнеру хранения, касался панели, доставал тонкую черную капсулу и прятал ее под куртку. Старший внимательно следил за реакцией Евы.

— Соппротивление усугубит ваше положение.

Ева медленно перевела взгляд с изображения на него. И вдруг поняла. Артем не просто подделал запись. Он подготовил лицо. Мимику. Поворот головы. Даже привычку чуть наклонять левое плечо перед движением. Он изучал ее заранее. От этой мысли стало по-настоящему страшно.

— Я этого не делала, — сказала она тише, но тверже. — И если вы хоть немного умеете думать, то должны понять, что это слишком удобно.

— Удобно бывает только в отчетах, — ответил старший. — В реальности бывает приказ. Он поднял руку.

— Взять ее.

Двое двинулись с флангов. И в этот миг над их головами с треском лопнула старая труба. Вниз рвануло облако пара и ржавой воды. Свет прожектора расплылся белым пятном. Кто-то вскрикнул. Один из бойцов инстинктивно отвернулся. Из тумана появилась Лина, ударила ближайшего по запястью, карабин отлетел в сторону. Она схватила Еву за локоть.

— Бежим!

Они сорвались с места. За спиной звучали команды, треск разрядов, скольжение ботинок по мокрому металлу. Ева неслась за Линой почти вслепую, перепрыгивая через клумбы и обломки стекла.

Только когда они нырнули в узкий дренажный лаз и массивная решетка с грохотом встала на место, Ева смогла перевести дыхание. В темном тоннеле было сыро и тесно. Вода тонкой струйкой текла по полу. Лина прислонилась к стене.

— Поздравляю, — сказала она хрипло. — Теперь ты официально виновна.

Ева смотрела в темноту перед собой.

— Он сделал копию меня.

— Да.

— И украл лилию моими руками.

— Да.

— Зачем?

Лина устало закрыла глаза.

— Потому что следующая стадия подставы всегда одна и та же. Сначала тебя делают подозреваемой. Потом — источником угрозы. А потом заставляют тебя самой искать то, в чем тебя обвинили.

Ева медленно повернулась к ней.

— То есть?

— То есть теперь ты не успокоишься, пока не найдешь эту капсулу и не узнаешь, что в ней было. А именно этого он и добивается.

В тоннеле повисла тяжелая тишина. Ева вспомнила лицо Артема. Спокойное. Почти бесстрастное. И взгляд человека, который смотрит на будущее как на уже просчитанную схему.

— Тогда он ошибся, — сказала она.

— В чем?

— В одном. Он думает, что я пойду по его следу, потому что у меня нет выбора. Лина слабо усмехнулась.

— А на самом деле?

Ева подняла глаза.

— А на самом деле я пойду по его следу, потому что теперь это стало личным.

Через час, когда в официальной сводке внутренней безопасности появилось имя Евы Марковой, а вместе с ним — приказ о задержании по всему внутреннему кольцу, именно тогда Артем Воронов, сидя в пустом кабинете на сорок втором уровне, открыл файл с пометкой «ЭТАП ПЕРВЫЙ: АКТИВАЦИЯ».

На экране вспыхнула одна короткая строка: Объект реагирует согласно прогнозу. Он перевел взгляд к окну, за которым мерцал ночной город, и едва заметно улыбнулся.

Внешнее кольцо встретило их запахом сырости и тяжелым гулом вентиляционных шахт. Здесь, вдали от стерильных коридоров центральных уровней, свет был роскошью, а тишина — признаком опасности. Лина вела Еву через заброшенные технические ярусы, где под ногами хрустели ошметки изоляции.

— Здесь датчики движения отключены уже лет десять, — прошептала Лина, прижимаясь к стене у поворота. — Но патрули всё равно заглядывают. Артем знает этот маршрут. Если он хотел, чтобы тебя нашли, он направит их сюда.

Ева не ответила. Ее мысли все еще возвращались к той записи. Совершенная цифровая копия, укравшая ее жизнь за несколько секунд. Они вышли к распределительному узлу «Омега» — огромному залу, заполненному ржавыми баками и переплетением труб. В центре, под единственной работающей лампой, на старом монтажном столе что-то тускло светилось. Лина резко остановилась, вытянув руку.

— Стой. Этого здесь не должно быть.

Ева медленно обошла напарницу. На столе лежал небольшой продолговатый предмет, завернутый в серую антистатическую ткань. Рядом — старый планшет с разбитым экраном, который периодически мигал, посылая сигнал готовности.

— Не трогай, — предупредила Лина. — Это может быть ловушка. Маяк или термический заряд.

Но Ева уже видела край того, что было внутри ткани. Она сделала шаг вперед.

— Он оставил это для меня. Не для патруля. Для меня.

Она осторожно развернула сверток. Внутри оказалась не капсула из архива, а нечто иное: памятный жетон сотрудника службы безопасности, но без фотографии, и обгоревшая карта памяти старого образца. На жетоне вручную, чем-то острым, было выцарапано только одно слово: «СМОТРИ».

— Он играет с тобой, — Лина подошла ближе, ее голос дрожал от напряжения. — Он хочет, чтобы ты копала дальше. Ева, если ты активируешь этот планшет, нас вычислят по GPS-модулю через секунду.

Ева посмотрела на планшет. Он не просто мигал. На экране, среди трещин, проступали координаты. И это были не координаты выхода из города. Это была точка глубоко в недрах «Черной Лилии» — в секторе, который официально считался законсервированным после аварии.

— Он не подставляет меня под арест, — внезапно поняла Ева, глядя на мигающие цифры.

— Он подставляет меня под правду, которую я не должна была знать.

— В чем разница? — горько спросила Лина.

— В том, что после ареста выживают. После такой правды — нет.

Ева вставила карту памяти в разъем. Экран планшета на мгновение залило белым светом, а затем пошли строки данных. Это были не отчеты о кражах. Это были списки имен.

Люди, которые числились переведенными в другие филиалы, но чьи биометрические подписи обрывались в один и тот же день. Последним в списке, выделенным красным, значилось имя отца Евы.

— О боже... — выдохнула Лина, отступая. — Ева, выключай. Сейчас же.

В конце коридора послышался ритмичный топот тяжелых ботинок. Группа захвата была уже близко. Артем рассчитал время идеально: ровно столько, сколько нужно, чтобы она успела прочитать первую страницу.

— Бежим! — Лина дернула ее за рукав.

Ева схватила жетон и планшет, чувствуя, как холод пробирается под куртку. Теперь она знала, почему Артем выбрал именно ее. Он не просто подставил ее в преступлении. Он сделал ее соучастницей тайны, за которую убивают. Они нырнули в узкий дренажный люк за секунду до того, как двери зала разлетелись от направленного взрыва.

Сырость дренажных туннелей сменилась мертвенно-сухим воздухом, когда Ева и Лина миновали гермозатвор заброшенного сектора. Здесь не было привычного гула вентиляции — только тихий, едва уловимый шелест, похожий на дыхание.

В центре законсервированного зала «Черной Лилии» Ева обнаружила не архивные папки и не склады оружия. Перед ней раскинулась гигантская автоматизированная оранжерея, но вместо цветов в прозрачных капсулах, наполненных темной жидкостью, находились люди. Те самые люди из списка. Они не были мертвы, но и живыми их назвать было сложно: их тела пронизывали тонкие, светящиеся нити органических сенсоров, напоминающие корни.

Ева стояла перед центральной капсулой, и её собственное отражение в матовом стекле казалось ей чужим. Внутри, в сплетении пульсирующих трубок и неоновых светов, дремало лицо, которое она помнила лишь по обрывкам детских снов. Её отец не выглядел старым — время в этой вязкой субстанции словно застыло, превратив его в живой архив данных.

— Он не просто здесь, — голос Лины сорвался на шепот, она лихорадочно проверяла показатели на обшарпанном терминале. — Он и есть сама сеть. Ева, эти нити... они передают импульсы по всему городу. Каждое включение света, каждый сигнал светофора, каждый вздох системы безопасности проходит через его кору головного мозга. Эту тюрьму построил он сам, но теперь он её главный раб.

Ева коснулась ладонью холодного стекла. Жетон в её кармане вдруг завибрировал. Планшет, лежавший на полу, снова вспыхнул, и на экране побежали строки кода, который она узнала мгновенно. Это был семейный шифр, простая подстановка, которой отец учил её втайне от матери.

«Второй вопрос, Ева», — высветилось на экране.

Она вспомнила слова той незнакомки из коридоров: «Ты уже поняла, что важнее второй». Первый вопрос был «Где он?». А второй...

— Как его отключить, не убив? — вслух произнесла Ева.

Лина резко обернулась, её глаза расширились от ужаса.

— Если мы отключим ядро, вся «Черная Лилия» ослепнет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.